

Алексей Евтушенко

Древнее заклятье

«Автор»

Евтушенко А. А.

Древнее заклятье / А. А. Евтушенко — «Автор»,

Никак не могут поверить трое друзей, что все это им не приснилось. Но факт остается фактом: их занесло в самый настоящий волшебный мир, к эльфам, гномам и гоблинам! Да – а, будет что порассказать дома друзьям... Однако возвращать гостей домой сказочные существа отнюдь не торопятся. Дело в том, что много сотен лет назад один эльф...

© Евтушенко А. А.

© Автор

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	13
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII	24
Глава VIII	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Евтушенко

Древнее заклатье

Фантастическая повесть-сказка

Памяти моего друга Гоши Буренина посвящается

Глава I

ГОША

Эту историю я собирался начать такими словами: «Гоша Рябинин, обыкновенный русоволосый мальчишка двенадцати лет от роду...»

Собирался, но передумал. Вернее, задумался.

Ведь если писать по правде (а только по правде и стоит писать), то Гоша вовсе не был обыкновенным мальчишкой хотя бы потому, что ОБЫКНОВЕННЫХ мальчишек и девчонок в природе просто не существует. Каждый мальчишка и каждая девчонка – необыкновенны. И все они необыкновенны по-своему.

Это уже потом, вырастая, они превращаются в обыкновенных дяденек и тетенок, очень озабоченных своими взрослыми проблемами, да и то, ежели как следует копнуть, в душах этих взрослых и скучных дяденек и тетенок можно обнаружить остатки того НЕОБЫКНОВЕННОГО, которое живет в них с детства.

Так что, поразмыслив, я решил убрать слово «необыкновенный», дабы не путаться в терминах, и все-таки начать.

Начинаю.

Гоша Рябинин, русоволосый и кареглазый двенадцатилетний мальчишка, жил со своими родителями и старшим братом в старинном русском городе... ну, допустим, Звягине.

Вы скажете, что такого города на карте нет, а я в ответ на это спрошу вас: «На какой именно карте, милостивые государи?» А? То-то. Вот вы и попались, потому что карты – они разные бывают и... Но мы отвлеклись.

Как я уже упоминал, Гоша Рябинин жил со своими родителями и старшим братом Володей в городе Звягине.

Мама у Гоши была учительницей истории и работала в школе, а папа – офицер российской армии – командовал воинской частью, расположенной... Впрочем, давайте не будем об этом распространяться, чтобы ненароком не выдать военную тайну. Скажем только, что Гошин папа имел чин подполковника и, как многие офицеры, часто менял место службы (разумеется, не по собственной прихоти, а по приказу начальства). Так что город Звягин не был Гоше родным городом – семья Рябининых переехала сюда полтора года назад с Дальнего Востока, где тогда еще майор Рябинин служил... тьфу ты, господи, опять военная тайна!

Полтора года – целая вечность для двенадцатилетнего мальчишки, который всю свою жизнь переезжает с места на место, и Гоша, привыкший к самостоятельности, успел хорошо изучить город Звягин и полюбить его неброскую красоту.

Вообще-то в свидетельстве о рождении Гоша был записан как Игорь, но родители и старший брат с самого раннего младенчества звали его Гошей, к чему он привык и новым знакомым всегда Гошей и представлялся.

Той ранней осенью, когда началась вся эта история, Гоша пошел в восьмой класс, то есть на самом деле в седьмой по счету, но восьмой по названию (чего не могут понять до сих пор

ни Гоша, ни его родители, ни учителя, ни даже ваш покорный слуга, а только дяди и тети из Министерства образования России).

Почему в восьмой, спросите вы, когда, судя по количеству прожитых лет, он вроде бы должен идти в седьмой?

Объясняю.

Дело в том, что Гоша был в некотором роде вундеркиндом, но вундеркиндом особенным, вовсе не похожим на то замученное науками несчастное создание с не по-мальчишески серьезными глазами за толстыми стеклами очков, которое привычно рисует нам наше воображение при слове «вундеркинд». Вовсе нет. Во-первых, Гоша не носил очков по той простой причине, что обладал отличным зрением, и ни чтение книг с фонариком под одеялом, ни компьютерные игры, ни телевизор не смогли пока его зрение испортить. Во-вторых, Гоша хотя и «перепрыгнул» прошедшим летом из пятого класса в седьмой и слыл среди друзей и знакомых мальчишкой сообразительным, начитанным и даже где-то гениальным, но назвать его эдаким юным вариантом Паганеля из жюльверновских «Детей капитана Гранта» мы бы поостереглись. Как и большинство мальчишек своего возраста, Гоша Рябинин гонял с друзьями в футбол и хоккей, любил плавать и нырять, кататься на лыжах, ловить рыбу... да что там говорить! – он даже (только не рассказывайте его родителям, ладно?) научил мальчишек со своего двора играть в теперь уже почти забытую, но увлекательнейшую «расшибалочку», в которую, как известно, играют от века исключительно на деньги. Бывало также, что являлся он домой в не очень чистой одежде, а то и с синяком под глазом и исцарапанными кулаками.

Нет, драчуном Гоша вовсе не был, но и в обиду себя никому не давал и, хотя не очень вышел ростом и силой, отличался ловкостью и быстротой в движениях, великолепной реакцией и знанием некоторых очень полезных приемов русского боя, которым научился у своих друзей-солдат.

К вышесказанному можно добавить, что в свои двенадцать лет Гоша умел водить автомобиль, бронетранспортер и боевую машину пехоты, а также неплохо стрелял почти из всех видов стрелкового оружия.

Конечно, вы скажете, что Гоша Рябинин имел преимущество перед теми мальчишками и девчонками, которые родились и всю жизнь живут в одном городе или, скажем, поселке и родители которых не военные, а, наоборот, строители, ученые или, допустим, врачи. Вы скажете так и будете, несомненно, правы. Но лишь отчасти. Потому что все или почти все в этой жизни зависит от самого человека. И если человек ленив и нелюбопытен, а, самое главное, таковым и хочет оставаться, но тут уже ничем не поможешь.

Гоша же отсутствием любознательности вовсе не страдал и даже, прямо скажем, наоборот, был человеком любопытным, а зачастую и чересчур любопытным. Именно его любопытство и... Но все по порядку.

Глава II

НЕ ЛОВИТЕ ЧУЖИХ КОШЕК НА СТАРЫХ ЧЕРДАКАХ

В то сентябрьское теплое субботнее утро Гоша Рябинин выбрался из дому довольно рано, намереваясь зайти к своему другу Саше Уваровой, чтобы вместе с ней отправиться за город в отцовскую воинскую часть, где их ожидала масса интереснейших дел.

Да, да, вы не ошиблись. Саша Уварова была самой что ни на есть настоящей девчонкой, обладательницей массы симпатичных веснушек, копны густых, цвета спелой пшеницы, волос и звонкого голоса.

Такие девчонки, как Сашка Уварова, или, как звали ее друзья, Шурка, время от времени попадают в мальчишеских компаниях по всей нашей необъятной Родине, да и по всему миру тоже.

Не скажу, что количество их велико по сравнению с обычными девочками, но все же их достаточно много для того, чтобы это стало заметно нам с вами.

Эти девчонки всегда предпочитают (во всяком случае, в детстве) мужской мир миру женскому: ненавидят играть в куклы, любят футбол, замечательно лазают по деревьям, дерутся, мало обращают внимания на свою внешность, умеют стрелять из рогатки и вообще – как говорится, свои парни в доску. Они даже зачастую большие пацаны, чем сами пацаны (это оттого, что им постоянно приходится доказывать окружающим свою мальчишескую сущность).

Именно такой и была Сашка Уварова, а попросту Шурка, именно поэтому Гошка Рябинин считал ее своим другом, а к ОБЫЧНЫМ девочкам он относился не слишком уважительно, считая их существами взбалмошными и никчемными. «Может быть, когда они вырастают и превращаются в девушек и женщин, то становятся другими?» – часто размышлял он и, не находя ответа, переключал мысли на что-нибудь более понятное и полезное.

Итак, Гоша шел привычной дорогой, находясь в прекрасном расположении духа, ибо, во-первых, старший брат освободил его сегодня от обязанности пылесосить комнаты, взяв сей труд на себя, а во-вторых, откуда взяться плохому настроению, если вовсю светит солнце, впереди два нескончаемых выходных дня и тебе двенадцать лет?

Сокращая путь, Гошка нырнул в знакомый проходной двор, обогнул мусорные баки, вышел к детской площадке и тут, возле песочницы, заметил маленькую девочку, которая, опустив голову, тихонько плакала.

Если бы она плакала громко или рядом играли бы другие дети, то Гоша, пожалуй, прошел бы мимо – дело житейское, разберутся, но девочка стояла совсем одна возле песочницы и плакала тихо, не напоказ.

Гоша замедлил ход и остановился. Он, как уже говорилось, не очень любил девчонок, но эта была совсем еще кроха – лет пять, не больше...

Он обошел ребенка вокруг, сел перед ним на корточки и строгим голосом сказал:

– Ну, в чем дело?

Девочка подняла голову, поглядела на Гошу громадными, полными соленых слез голубыми глазами и пролепетала:

– К-котик!

– Что?

– Мой ко-тик... – и, всхлипнув, опять опустила голову.

– Эй, погоди, перестань реветь, – решительно вмешался Гоша. – Объясни ты толком, что случилось. Какой котик? Кошка, что ли?

– Да-а...

– И что с ней?

– Она убежала, – сообщила кроха и, вытирая ладошкой слезы, с надеждой спросила: – Ты ее найдешь?

– Н-не знаю, – засомневался Гоша, который уже начал жалеть, что вмешался в это дело. – Твоя, что ли, кошка?

– Моя, – девочка уже не плакала – она видела в Гоше своего спасителя. – Я вынесла ее из дома погулять, а она убежала от меня по дереву вон туда, на чердак, – и малышка показала пальцем, куда именно убежала свободолюбивая кошка.

Гоша посмотрел. Напротив детской площадки громоздился очень старый трехэтажный дом из потемневшего от времени кирпича. Дом имел явно нежилой вид – многие окна зияли пустыми глазницами, а двери подъездов и оконные проемы первого этажа были заколочены толстыми досками.

Рядом с домом росла мощная древняя липа, по стволу которой, а затем по длинной крепкой ветке, нависшей прямо над крышей, кошка, видимо, и перебралась вначале на крышу, а уже потом и на чердак.

– А в этом доме, что, никто не живет? – спросил Гоша. Дом заинтересовал его своим видом, тем более что раньше он как-то не обращал на него внимания. Ведь, согласитесь, в любом заброшенном доме живет своя тайна.

– Никто, – подтвердила девочка. – Его собираются взорвать.

– Как это? – поразился Гоша.

– Ты что, маленький? Не знаешь, как дома взрывают? Взорвут, а потом построят новый. У меня папа – строитель, он мне рассказывал.

– Поня-атно, – протянул Гоша. С каждой секундой дом притягивал его все больше. Подумать только – дом скоро снесут, и никто никогда не узнает, что на его чердаке был клад золотых монет царской чеканки, или валялись в каком-нибудь невзрачном сундуке под толстым слоем липкой пыли старинные книги в кожаных переплетах, или... да мало ли что можно найти на чердаке старого дома, если, конечно, хорошенько поискать! Опять же, девочку жалко.

– От мамы влетит, – как бы в подтверждение его мыслей, убежденно сообщила кроха. – Она мне кошку на улицу выносить запретила, потому что кошка еще маленькая, а я не послушалась.

– А где мама-то?

– В магазин пошла, – вздохнула девочка, – скоро вернется.

– Ладно, – решил Гоша, – какого она хоть цвета, кошка твоя?

– Рыжая. Ты правда ее найдешь?

– Попробую. А ты не плачь, хорошо? И жди маму.

– Хорошо, – пообещал ребенок. – Ты на дерево полезешь? Кошка по дереву на чердак убежала.

– Что ж, придется и мне по дереву, – притворно вздохнул Гоша и внимательно оглядел липу, заранее оценивая предстоящий путь наверх.

До крыши он добрался довольно быстро – редкий мальчишка не умеет лазить по деревьям, Гоша же в этом деле был большим специалистом.

Листы старого, проржавевшего кровельного железа прогибались и гремели под его кроссовками, но он легко добрался до чердачного окна и заглянул в теплый пыльный полумрак.

«Сначала сам разведую, потом Шурку позову, если что интересное обнаружу», – подумал Гоша и ловко влез в окно.

Вы когда-нибудь бывали на чердаках больших и старых домов? Удивительные ощущения испытываешь там. Лично мне почему-то всегда казалось, что эти чердаки больше всего похожи на трюмы парусных кораблей, выброшенных морем на берег и давно оставленных своей коман-

дой. Не знаю, откуда взялось это сравнение. Может быть, оттого, что сразу за палубой начинается небо, так же, как оно начинается сразу за крышей?

Чердачный сумрак со своим, ни на что не похожим и только ему присущим запахом был насквозь пронизан узкими лучами и полосами солнечного света, в котором, искрясь, танцевали свой вечный танец мириады пылинок. Солнце попадало сюда сквозь чердачные окна южной стороны, так что на чердаке было относительно светло.

Гоша оглядел пыльный дощатый пол с многочисленными следами кошачьих и птичьих лап и громко позвал:

– Кис-кис-кис!

Никто не отозвался.

Гоша с запоздалым сожалением подумал, что зря не узнал имя злосчастной кошки, и медленно двинулся вперед.

Чердак оказался громадным и практически пустым.

Если не считать трухлявых обломков мебели, обильно загаженных голубиным пометом кип старых газет и всевозможных пыльных и грязных тряпок, то на пути не попадалось ровным счетом ничего. Кошки тоже не попадались. Никакие.

Совсем было соскучившись, Гошка собрался уже поворачивать обратно, как вдруг заметил за громадным полуразвалившимся буфетом какой-то золотистый отблеск.

Заинтересованный, он подошел ближе, обогнул стропильную стойку и увидел, что солнечный луч падает на краешек золоченой резной рамы, чуть выглядывающей из-за буфета.

«Картина! – догадался Гошка. – Большая...»

Он вцепился в раму и попытался волоком вытащить картину. Задуманное удалось только наполовину – мешали стропила. Но и этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть часть изображения.

Но что это? Картина двойная!

Часть холста с грубо намалеванной копией знаменитого полотна К. Брюллова «Последний день Помпеи» оторвалась и теперь свисала, открывая за собой второй холст, покрытый свежими яркими красками.

Гошка ухватился покрепче за «Последний день Помпеи» и сильно потянул. С легким треском дилетантская копия окончательно оторвалась и свернулась трубочкой на полу. Вторая картина была...

Тот самый солнечный луч, который заставил блестеть остатки позолоты на раме, теперь переместился на холст и как бы осветил его. Во всяком случае, Гоша разглядел на полотне искусно написанный неизвестным мастером близкий лес, траву и синее летнее небо с белыми кудрявыми облаками, плывущими...

Что за черт!

Гошка наклонился, вглядываясь...

Облака действительно двигались по небу!

Только сейчас он заметил, что листва деревьев на картине чуть шевелится под легким ветерком и что вообще деревья эти совсем не похожи на написанные масляными или какими-нибудь иными красками, а выглядят совсем как настоящие.

Совершенно машинально Гоша протянул руку, чтобы коснуться чудесного холста, и его пальцы провалились туда, внутрь картины, не встретив никакого сопротивления.

От неожиданности его качнуло, он потерял равновесие, чтобы не упасть, сделал шаг вперед, споткнулся о край рамы и... свалился, вытянув руки, внутрь картины.

Глава III ГНОМ РАМСЕЙ

Некоторое время Гоша лежал на животе, в полном изумлении разглядывая зеленую густую траву у своего лица. Трава ощутимо пахла. Прямо перед его носом лакированная божья коровка вскарабкалась по тоненькому стебельку вверх, расправила крылышки и бесшумно отправилась в свой невысокий полет. Гоша приподнял голову, провожая ее глазами, и увидел в двадцати шагах перед собой край того самого леса, который он минуту назад разглядывал на картине.

– Где это я? – обескураженно осведомился у лесной опушки Гоша и поднялся на ноги.

– Великий Мастер! – громко воскликнул кто-то сбоку. – Пусть мне никогда больше не ковать железа, если это не Окно!

Гошка мгновенно развернулся на голос и тут же наткнулся взглядом на маленького человечка с румяным лицом и густой рыжей аккуратно подстриженной бородой.

Человечек был облачен в пятнистый камуфляжный комбинезон и обут в мягкие остроносые сапоги. На его крупной голове ловко сидела бейсбольная кепка с длинным козырьком. Ростом человечек был почти с Гошку, но гораздо шире в плечах, а закатанные до локтей рукава комбинезона обнажали толстые мускулистые руки, поросшие густыми светлыми волосами.

– Э-э... здравствуйте, – счел нужным поздороваться Гошка. – Вы... вы кто?

– Я? – человечек весело оглядел мальчишку. – Я – гном Рамсей, к вашим услугам, если вы, разумеется, в них, то бишь услугах, нуждаетесь, что проблематично, поскольку явились вы через Окно. А люди, умеющие проходить через Окна, насколько мне известно, ни в чьих услугах обычно не нуждаются. Даже наоборот. Они сами зачастую эти услуги оказывают. Хотя... я вижу, что вы еще ребенок, а все человеческие дети, за редким исключением, через Окна проходить умеют.

Шестым чувством человека, прочитавшего на своем веку множество сказок и всевозможной фантастики, Гоша сообразил, что смертельно обидит человечка, если выскажет хотя бы тень сомнения относительно его, Рамсея, принадлежности к славному и гордому гномьему племени. И еще он сразу почему-то понял, что не спит и не грезит наяву, а действительно каким-то невероятным образом провалился сквозь волшебную картину на чердаке в этот мир, где, оказывается, просто так разгуливают гномы...

И тут у Гошки аж дух перехватило от нестерпимого интереса к происходящему, но он не потерял самообладания (что значит гарнизонная закалка!), а вежливо сказал:

– Очень приятно познакомиться, господин Рамсей. Меня зовут Гоша.

Вы, конечно, уже обратили внимание, что, несмотря на всю свою кажущуюся безалаберность и неумное мальчишеское любопытство, Гоша Рябинин в критических ситуациях умел вести себя крайне осмотрительно и быстро соображал что к чему.

Вот и сейчас, прежде чем продолжить разговор с невесть откуда взявшимся сказочным персонажем (согласитесь, что уж кто-кто, а гном – самый что ни на есть сказочный персонаж), Гошка быстро и внимательно огляделся по сторонам, чтобы определить, где же он все-таки находится.

Находился он на большой поляне, окруженной, как и положено всякой порядочной поляне, густым лесом.

Здесь хозяйничало лето, и Гошка с удовольствием вдыхал крепко настоящий на разнообразнейших травах и цветах лесной воздух. Вообще-то, поляна как поляна – ничего особенного. Гошка повидал подобных полей десятки. Единственное, чем она отличалась от похожих полей в лесах под Звягином или в любых иных русских лесах, было то, что ровно на ее сере-

дине рос могучий, в несколько обхватов дуб, – да и то, ежели хорошенько поискать, то таких полян с дубами посередине много найдется.

Но краски! Какие здесь краски!

Создавалось впечатление, что раньше Гошка смотрел на окружающий мир сквозь немного грязноватое и запыленное стекло, а теперь это стекло чисто протерли тряпкой.

– Значит, Гоша, – констатировал гном и почесал крепкими пальцами грудь под комбинезоном. – И какое же дело привело вас, уважаемый Гоша, в наши негостеприимные края?

– Почему же негостеприимные? – удивился Гошка. – По-моему, у вас тут неплохо. Солнышко, вон, светит, птички поют. Мне пока нравится.

– Это пока, – многозначительно сказал Рамсей. – Пока вы находитесь наедине с природой, которая, как известно, не мыслит категориями добра и зла, если вообще мыслит, в нашем понимании этого слова...

– А вы? – перебил философствующего гнома Гоша. – Вы разве не мыслите этими... категориями добра и зла?

– Я?!

Рамсей насупился и вдруг рассмеялся звонким заливистым смехом.

– Да, действительно, причисляя себя к носителям разума, причем к тем носителям, которые преимущественно выступают на стороне добра, я не могу и не хочу отказать вам в гостеприимстве. Если вы, уважаемый Гоша, сообразовываете последовать со мной под сень этого чудного леса, где у меня припрятана моя поклажа, то я сочту за честь угостить вас глотком-другим доброго эля и со вниманием выслушать все то, что вы сочтете нужным мне сообщить. Тем более что вас явно послала в наш мир сама Судьба. Великий Мастер! Так вот оно где, последнее Окно! А наши-то вместе с эльфами все Хроники перерыли – все без толку...

– Я с превеликим удовольствием последую за вами, господин Рамсей, – чуть поклонился Гоша, обнаруживая знакомство с хорошими манерами и невольно подлаживаясь под вычурную речь гнома, – однако должен сообщить, что я еще, в общем-то, мальчик, а детям спиртное противопоказано.

– Спиртное! – фыркнул гном и, подхватив Гошу под руку, повлек его к лесу. – Спиртное! Кто вам сказал, вернее, откуда вы взяли, что я собираюсь предложить вам спиртное? Запомните, уважаемый Гоша, что гномы спиртное практически не пьют – это чисто человеческая привычка, а эль, приготовленный нами, хоть и веселит сердце и согревает душу, но при этом не содержит ни капли того самого спиртного, о котором вы изволите говорить. От него не бывает похмелья, и его можно и нужно употреблять всем, включая грудных младенцев, как человеческих, так и гномьих. Да любой пьяница-человек душу бы заложил за этот напиток, но секрет его приготовления известен только нам, гномам, и производим его мы в ограниченных количествах, что связано как с технологией приготовления, так и со множеством иных факторов, о коих мы сейчас говорить не будем. Прошу садиться, я сейчас!

Гоша уселся на поваленный мшистый ствол дерева, наблюдая за Рамсеем, который нырнул в кусты, выволок оттуда объемистый рюкзак, ловко извлек из него пластиковую бутылку из-под пепси-колы, наполненную темной, колу же напоминающей жидкостью, и уселся рядом.

– Удобная вещь, – сообщил он, отвинчивая крышку. – У нас такие бутылки делать не умеют, хотя справедливости ради надо заметить, что и у нас найдется чем похвастаться. Вот, отведайте-ка... Пожалуй, только эльфы варят эль не хуже нашего.

Гошка, которому уже становилось жарковато в теплой фланелевой рубашке, принял из рук гнома прохладную на ощупь бутылку и с удовольствием сделал несколько глотков прямо из горлышка.

Да, такого он в своей жизни еще не пивал!

Больше всего, как ни странно, эль напоминал свежий березовый сок из банки, с вечера подставленной под надрезанное дерево.

Рано утром ты выскакиваешь из дому, проламываешь пальцем ледок, которым ночной мартовский морозец прихватил сок сверху, и пьешь...

Да. Но только отдаленно напоминал. На самом же деле гномий эль не с чем было сравнить. Он действительно веселил сердце, согревал душу и придавал силы.

– Что ж, – сказал гном, в свою очередь приложившись к бутылке и завинчивая крышку, – рассказывайте теперь.

И Гошка рассказал ему обо всем: об убежавшей рыжей кошке, о чердаке в брошенном доме и о волшебной картине.

– И вот я очутился здесь, – развел он руками. – Я не знаю, куда я попал и, самое главное, как мне выбраться обратно. Ведь мама с папой будут страшно волноваться, и брат Володя тоже.

– Ну, это просто, – пробормотал Рамсей, сосредоточенно хмуря рыжеватые брови, – нужно только...

Договорить он не успел, а Гоша не успел дослушать, потому что сзади затрещала валежник, и Гоша с Рамсеем опомниться не успели, как им навалились на спины, заломили назад руки, накинули на голову мешки и грубо поволокли куда-то через лес.

Глава IV

ЗАМОК ДАРТ

Сказать, что Гошка Рябинин испугался – это ничего не сказать. Да и кто бы на его месте не испугался! Однако справедливости ради надо заметить, что испуг не помешал ему применить, когда его связывали, пару-тройку хитрых уловок, разработанных еще летом во время бесконечной игры в «индейцев» и «ковбоев».

Правила игры были предельно простыми, но довольно жесткими, а именно: если ты попался в руки «противника», то с тобой этот самый «противник» мог поступить двояко. Во-первых, обменять на точно такого же пленника или оружие (луки, рогатки, деревянные мечи и китайские пневматические пистолеты), а во-вторых, например, привязать тебя к дереву в каком-нибудь уединенном месте на несколько часов.

Гошка играл на стороне «индейцев», и почти все лето ему удавалось ускользать из хитроумных засад коварных «ковбоев», более того – он сам устраивал засады, в которые неоднократно попадались одинокие «ковбои».

Но однажды ему не повезло – не удалось убежать, и он был пойман и надежно привязан к дереву на окраине города в таком месте, где люди ходят редко.

Тогда его через пару часов освободили свои же (кто-то из мелкой ребятни видел, как его поймали, и шепнул «индейцам»). И Гошка целую неделю ежедневно просил старшего брата Володю связывать его веревками по рукам и ногам, а потом старался из этих пут самостоятельно освободиться.

Когда в начале второй недели ему удалось распутаться всего за пятнадцать минут, брат восхищенно сказал: «Ну ты – Гудини!» и признал, что крепче и хитрее связать Гошку он уже не в силах. «А кто такой Гудини?» – спросил Гошка, и брат рассказал ему о знаменитом американском иллюзионисте-фокуснике и акробате начала века, который буквально творил чудеса со своим телом.

Связанного по рукам и ногам Гудини сажали в мешок, мешок завязывали и бросали в реку – Гудини выбирался.

Его клали в гроб. Гроб заколачивали и закапывали – Гарри Гудини выбирался.

Его голого запирали в тюремной камере и связанного бросали под лед – он выбирался.

Он выбирался отовсюду, но это было его профессией, а Гошка Рябинин вовсе не был фокусником – он был просто двенадцатилетним мальчишкой, который сейчас, весь опутанный жесткими веревками, с мешком на голове, валялся на твердых досках какой-то неимоверно тряской повозки, которая катилась куда-то по отвратительной дороге, влекомая, судя по стуку копыт, лошадьми.

«Только без паники. Только без паники», – неустанно повторял про себя Гошка. Он уже понял, что здесь, в повозке, освободиться не получится – при первой же попытке чей-то сапог чувствительно въехал ему по ребрам, и Гошка притих. Однако, расслабив мышцы, он почувствовал, что если его оставят одного, то ему потребуется минут десять, не больше, чтобы сбросить путы.

Вообще-то все, что произошло с Гошкой Рябининым за последний час, воспринималось им пока не очень серьезно, даже несмотря на грубое с ним, Гошкой, обращение неведомых похитителей. События воспринимались им сейчас как некий очень реальный и ужасно интересный сон, который хоть и не очень порой приятен, но все же, несомненно, заслуживает того, чтобы его досмотреть до конца.

Но сон, там, или не сон, а играть в любые игры Гошка привык по всем правилам. Поэтому он успокоился, сосредоточился и стал прикидывать, с какой приблизительно скоростью движется повозка.

Судя по тряске, размышлял он, лошади идут не шагом. Но и не галопом. Значит, рысью. Это сколько же будет в час километров? Ну, допустим, двенадцать-пятнадцать... Сколько мы уже едем? От силы – полчаса, то есть прошли километров шесть-семь. Интересно, долго еще?

Оказалось, не очень долго.

Вскоре повозка выкатилась на – судя по звуку и характеру тряски – мощеную дорогу, лошади прибавили рыси, затем колеса коротко прокатились по какому-то явно деревянному настилу, и повозка остановилась.

Гошку рывком поставили на ноги, стащили на землю и куда-то повели.

По тому, как подсвеченная розовым темнота перед глазами сменилась уже темнотой полнотой, а воздух стал более прохладен и по-иному зазвучали шаги, пленник понял, что попал в помещение.

Так. Вот и лестница. Винтовая... Ох, какие высокие ступеньки! А длинная, черт...

Но и этот, показавшийся уже бесконечным, подъем закончился. Явственно лязгнуло железо... засов? И от сильного толчка в спину Гошка полетел на каменный пол.

Умение падать – одно из основных умений футбольного вратаря.

Гошка Рябинин частенько стоял в воротах и благодаря своей отменной реакции, а также поистине кошачьей ловкости и прыгучести быстро снискал славу лучшего голкипера школы. Так что падать он умел и теперь вовремя успел втянуть голову, подставить плечо и перекатился на спину.

Захлопнулась дверь, снова загремело и заскрежетало железо; чьи-то тяжелые шаги удалились вниз по лестнице. Так. Вот теперь можно и приступить...

Сначала удалось распутать руки, и Гошка немедленно сорвал с головы осточертевший мешок.

Ага.

Круглая комната – метров эдак пять в поперечнике. Каменный, как он уже успел убедиться, пол и каменные же, грубой кладки стены. Узкие окна-бойницы без стекол. А вот и Рамсей лежит связанный и с мешком на голове.

– Ублюдки!! – тут же заорал гном, как только Гошка стянул с его головы мешок. – Порождения гиены и шакала!! Низкие твари и предатели! Ну, погодите, как только...

– Тише! Тише, господин гном! Здесь их нет. Это я, Гоша!

– Гоша? И верно – Гоша! – Рамсей хлопнул ресницами и радостно уставился на Гошку своими ярко-зелеными глазами. – А тебя что, не связали разве?

– Связали. Да только я уже выкрутился. Погодите, не вертите, я развяжу вам руки.

– Верткий мальчик, – с одобрением пробормотал гном и добавил: – Тебе не кажется, что после эдакой передраги нам пора перейти на «ты»?

– Вы, по-моему, уже перешли, – дипломатично улыбнулся Гоша.

– Да! И предлагаю тебе незамедлительно последовать моему примеру. Теперь мы с тобой почти друзья, ну, если еще и не друзья, то боевые товарищи – это точно. А боевым товарищам обращаться друг к другу на «вы» как-то не очень... а? Ох, спасибо, дальше я сам... Тем более, – продолжал Рамсей, самостоятельно распутывая ноги, – что мы, подгорные гномы, живем на-а-много дольше людей, а я, по гномьим меркам, еще очень молод.

– Вы... ты – гном-мальчик? – заинтересованно спросил Гошка.

– Ну, не совсем мальчик, конечно, и даже не подросток, я думаю. Скажем, э-э...

– Юноша, – охотно подсказал Гошка, вспомнив их встречу на поляне возле дуба, когда гном обратился к нему именно так.

– Ну... – Рамсей освободил ноги и теперь яростно их растирал. – Совсем затекли... Скажем, очень молодой гном. Устраивает?

– Устраивает, – засмеялся Гошка.

– Однако прошу не забывать, что я все-таки старше. Как по гномьему счету, так и по человеческому.

– Ладно, ладно... Скажи лучше, кто на нас напал и как называется это место?

– Судя по всему, место это – замок Дарт, другому замку поблизости взяться неоткуда. Это – резиденция одного, ныне покойного, короля. Вернее, бывшая резиденция, а теперь... Впрочем, это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее сейчас, – нам нужно поскорее отсюда сматываться.

– Как? Дверь-то заперта!

– Как, как... Я и сам не знаю «как». Думай! Но знай, что если в ближайшее время мы отсюда не исчезнем, то нам придется очень и очень плохо. Понимаешь, им очень важно знать, где находится последнее Окно, и, боюсь, они знают, что мы теперь это знаем, тем более что ты тут еще так некстати появился. Великий Мастер! Ведь невооруженным глазом видно, что ты не местный, а здешние люди все у них в подчинении.

– Кто это «они»? – хмуро спросил Гошка.

– Враги, – коротко ответил Рамсей. – Пришельцы из другого мира. Мы зовем их «злыдни». Жуткие твари, и жалости они, поверь, не знают. Ты не заметил, кто нас тащил?

– Не понял...

– Ну, кто это был? Люди или «железяки»?

– «Железяки»?

– Откуда ты такой непонятливый взялся... Ну, эти... роботы, по-вашему. Хотя нет, не отвечай. Это я непонятливый, а не ты. Люди, конечно. Бедные безмозглые твари... С чего бы «железякам» нас в повозках везти? Да и услышали бы мы «железяк» издали еще... Вообще-то хорошо, что это были люди. Они хоть и стали низкими предателями, но не по своей воле – душа и разум у них спят, что злыдни велют, то и сделают, но не более того. И это хорошо. Свободный-то человек сразу бы догадался, что Окно где-то поблизости – иначе откуда бы тебе взяться? – а эти только приказ выполнили: гномов, эльфов, людей и прочих хватать и к хозяевам тащить... Эх, не подучился я в свое время у лесных братьев-гномов, плохо лес знаю, а эти, нас поймавшие, верно, все бывшие охотники, – вон как ловко да бесшумно к нам подобралась! Ну да ладно... Ты уже придумал, как нам отсюда выбраться?

– А почему это я должен придумывать? – искренне возмутился Гошка нахальному вопросу гнома. – Во-первых, это твоя страна, во-вторых, ты – гном, а значит, должен знать всякие там волшебные заклинания, отпирающие замки, а в-третьих, ты сам сказал, что старше меня по всем меркам: и гномьим, и человеческим. А раз старше, то тебе и решать.

– Гоша, друг мой! – проникновенно воскликнул гном. – Ты, я вижу, все-таки ничего не понимаешь, хотя на вид вполне разумен. При чем здесь «твоя страна» или «моя страна»? При чем здесь, скажи на милость, заклинания, если дверь закрыта на обычный замок, а отнюдь не на волшебный?! Мы, подгорные гномы, разумеется, большие специалисты по открыванию всяческих замков, но у меня даже куска проволоки с собой нет. Не пальцем же мне, в самом деле, в нем ковыряться! И, наконец, какое отношение к данному случаю имеют понятия «старше» или «младше»? Ты ведь выпутался из веревок, верно?

– Выпутался, – вынужден был подтвердить Гошка.

– Вот! – торжественно поднял вверх указательный палец гном. – Ты самостоятельно выпутался из веревок, а я не сумел, хотя вязали нас одинаково. Вот я справедливо и предположил, что ты большой мастер по части выпутывания из различных неприятных ситуаций.

Такая логика могла бы позабавить Гошку, если бы он внимательно слушал Рамсея. Однако слово «веревки», сказанное гномом, крепко засело в голове и вертелось там и так, и эдак.

- Веревки! – вытаращив глаза, вдруг прошептал Гошка.
- Что? – поперхнулся собственной речью гном.
- Веревки! – воскликнул радостно Гошка.

Глава V

ПОБЕГ

– Я же говорил!! – завопил Рамсей, до которого, наконец, дошло. – Я же говорил, что ты специалист по выпутыванию! Точно! Мы свяжем наши веревки в одну, привяжем ее к дверному кольцу и спустимся из бойницы на этаж ниже. Оттуда – на лестницу... Замок я немного знаю – попробуем выбраться. Другого выхода у нас все равно нет, и до вечера нам ждать никак нельзя – в любой момент могут появиться злыдни... – проговаривая все это, Рамсей быстро соединил крепким узлом две веревки в одну и привязал ее к толстому железному кольцу в двери, после чего вскарабкался в бойницу и осторожно выглянул наружу.

Стены крепостной башни были очень толстые, и гном, улегшись в проеме бойницы, поместился там почти полностью – только ноги в сапогах торчали перед Гошиным носом.

Осматривался Рамсей довольно долго.

– Ну, что там, ты скоро? – не выдержал Гошка и подергал гнома за ногу.

– Сейчас...

Ноги зашевелились, подтянулись, и Рамсей сел в бойнице, почесывая бороду.

– Значит, так, – веско сказал он. – Мы во внешней башне, и это хорошо – никто не заметит, как мы спускаемся. По лестнице мы попадем на крепостную стену, а там я знаю одно местечко, где можно слезть, – стена сильно выщерблена. Будешь делать, как я, понял?

Гошка молча кивнул головой.

– Тогда – вперед. Сначала я, а потом ты. Главное, чтобы в нижней комнате никого не оказалось. Если подержаю за веревку, значит, можно, а если не подержаю, значит, судьба у нас такая, – Рамсей, швырнув вниз веревку, исчез за краем бойницы.

Гошка тут же вслед за ним залез в проем и быстро огляделся. Он увидел внизу луг и лес, который начинался сразу за лугом и тянулся до самого горизонта...

Впрочем, рассматривать окрестности было особенно некогда – веревка задержалась, как живая. Гошка ухватился за нее обеими руками и с опаской посмотрел вниз.

Дух перехватило.

Он всегда побаивался высоты, но сейчас страх должен был уйти.

Хорошо, что веревка оказалась достаточно толстой и шершавой, а уж ловкости Гошке было не занимать – через несколько секунд он уже ухватился за крепкую руку гнома, и Рамсей втянул его в точно такую же бойницу, как та, что они покинули.

– Дверь открыта, слава Великому Мастеру. Бежим! – торопливо шепнул гном.

Они выскочили на узкую винтовую лестницу, торопливо сбежали по ней вниз, и гном, осторожно приоткрыв дверь, ведущую на крепостную стену, выглянул наружу.

– Никого, – сообщил он, втягивая голову обратно. – В любую минуту, конечно, может показаться стража, но нам ничего не остается делать, кроме как рисковать. Помни главное: я – первый, ты – за мной. Если начнется драка, не лезь, а беги назад и вниз по лестнице, а дальше – по обстоятельствам. Я попробую их задержать.

– Я тебя не брошу, – мотнул головой Гошка.

– Не дури, – строго поглядел на него гном. – Делай, как я сказал. Если удастся вырваться, то иди лесом на север, к холмам. Встретишь гномов – расскажешь им все. Ну, за мной!

Верх крепостной стены был похож на неширокий коридор без потолка и со сквозными проемами в стенах по обеим сторонам. Слева в этих самых проемах мелькали какие-то крыши и башенки, но Гошке некогда было разглядывать архитектурные красоты замка Дарт – от Рамсея бы не отстать. Гном – даром, что не слишком длинноногий – бежал быстро, бешено рабо-

тая на ходу локтями. Вдруг он резко затормозил, вглядываясь в одному ему ведомые приметы стены, и Гошка чуть не налетел на него сзади.

– По-моему, здесь, – выдохнул Рамсей, заглядывая вниз. – Точно, здесь. Теперь гляди, как ползу я, и делай так же.

Некоторое время Гошка внимательно наблюдал за Рамсеем, который быстро спускался, ловко цепляясь за выступы и выщерблины старой крепостной стены, и полз следом.

По-видимому, в этом месте когда-то были ворота, которые потом быстро и не очень аккуратно заложили гораздо более мелкими камнями, чем те, какие использовались при первоначальной кладке стены, – во всяком случае, для рук и ног здесь вовремя находились удобные выступы и зацепки, так что Рамсей и Гошка вскоре спрыгнули в невысокую густую траву и огляделись.

Никого.

Только луг и лес впереди.

– Кстати, а где же ров? – спохватился Гошка, до которого вдруг дошло, что замку чего-то не хватает.

– Да он уже лет пятьсот, как засыпан, – отер потный лоб Рамсей. – Воевать-то не с кем было – зачем он? Только мешал. А против пришлых этих злыдней никакие рвы все равно бы не помогли. Тихо... Слышишь?

Гошка прислушался.

Откуда-то далеко из-за леса доносился едва различимый, но постепенно усиливающийся гул. Гошка вопросительно глянул на гнома и увидел, что тот сильно побледнел, а зеленые глаза ярче засверкали под светлыми бровями.

– Это они! – выдохнул Рамсей. – Злыдни! Бежим!!

И гном рванул с места к лесу, как камень, выпущенный из хорошей рогатки.

Гошка не заставил себя ждать.

Они едва успели влететь под спасительную тень деревьев, как загудело уже прямо над их головами.

Рамсей упал за густой куст боярышника и нетерпеливо похлопал по земле рядом с собой.

Гошка поспешно плюхнулся на живот.

– Смотри, – одними губами произнес гном и слегка раздвинул ветви боярышника. – Да не на стену, вверх смотри!

Гошка послушно глянул и обомлел.

Прямо над замком зависли два огромных, никогда ранее им не виданных летательных аппарата.

Больше всего они напоминали чудовищных размеров персиковые косточки – та же форма и такая же шероховато-ребристая поверхность. И на этой поверхности не было заметно никаких иллюминаторов и люков, а также крыльев, дюзов или несущих винтов, то есть совершенно непонятно было, как эти громадины держатся в воздухе. И только тусклый сероватый блеск неизвестного металла на солнце да низкий мощный гул указывали на то, что сделаны эти «косточки» разумными существами и двигатели внутри все же имеются.

– Что это? – спросил ошеломленный Гошка у Рамсея.

– Летящие машины злыдней, – мрачно ответил тот. – Внутри – сами хозяева со своими «железяками» или без оных – не знаю. Сейчас приземлятся, им доложат о поимке человека и гнома, они тут же обнаружат, что нас в наличии не имеется и... как ты думаешь, что тогда начнется?

– Так пошли, чего ты медлишь?! – зашипел Гошка. – Разлегся, понимаешь...

– Спокойно, юноша, – широко ухмыльнулся Рамсей. – Им нас не поймать. Не успеют. Есть тут неподалеку одно местечко, о котором лишь нам, подгорным да лесным гномам, известно. Ну, правда, еще кое-кому, но это несущественно. А так как среди нас предателей просто быть

не может никогда, то ни злым, ни людям – слугам их подневольным – о нем ничегошеньки неизвестно. Пошли, пожалуй. Как раз успеем добраться, пока нас хватятся, – и гном, вскочив на ноги, нырнул сквозь кусты в лес.

Они бежали с четверть часа, и за это время Гошка убедился, что по лесу он передвигается гораздо аккуратнее гнома – тот просто ломился, как маленький упрямый танк, там, где препятствие можно было обойти или перепрыгнуть.

– Слушай, Рамсей, – не выдержал наконец Гошка, – ты бы полегче все-таки бежал. Нас же по твоим следам отыщут!

– Э-э! – махнул на бегу рукой гном. – Тут места сильно людьми исхожены – поди разбери, где чьи следы. И потом они все равно не поймут, куда мы делись. Не бойся, не впервой... Ага, вот он!

Они буквально наткнулись на окруженный со всех сторон кленами и дубами, весь обросший мхом и лишайником пограничный крутолобый камень-валун, который вздымался прямо из земли метров на пять в высоту.

Впрочем, Гошка плохо разбирался в геологии. Может, и не валун это был вовсе, а матерая скала выперла своей верхушкой из-под земли наружу в давние времена да так и остановилась. Спросить у Рамсея он не успел – тот подбежал к камню, положил на него ладони и, опустив голову, забормотал себе под нос какие-то непонятные слова.

Ничего, однако, не происходило.

В явном недоумении гном отошел от камня на пару шагов и дернул себя за бороду:

– Великий Мастер! Я ничего не понимаю. Заклятие не действует!

– И не подействует, Рамсей! – раздался чей-то звонкий голос с вершины валуна. – Я уже пробовала.

Глава VI

ВИЛА РАВИНА. ПОДЗЕМНАЯ ДОРОГА

Рамсей и Гошка как по команде вздернули головы вверх и слегка присели от неожиданности.

С камня колокольцами пролился смех. Смеялась очень красивая – как показалось Гошке – девушка, лет семнадцати-восемнадцати на вид. Одета в длинное до пят платье простого покроя, она стояла на вершине гранитной глыбы, уперев руки в бока. По ее плечам щедро разметались густые волосы цвета молодого липового меда, а за спиной мерцали... Гошка вначале не поверил собственным глазам и даже потряс головой... точно, это были крылья! Самые настоящие крылья. С белоснежными перьями.

– Здравствуй, Равина, – сухо сказал гном. – И чего это ты тут делаешь?

– Тебя ишу, – усмехнулось неведомое прекрасное существо, сверкнув отличными зубами.

– Ну, нашла, – буркнул гном. – Что дальше? И почему, кстати, заклатье не действует?

– Почему заклатье не действует, я не знаю. Скорее всего, его просто поменяли из соображений секретности, а нас с тобой в известность поставить не успели. – Равина взмахнула крыльями и, придерживая платье, очутилась на траве. – А что дальше... Эльфы скликают Большой Совет. Тебе, Рамсей, повезло, что я увидела сверху, как на вас напали. К замку, сам понимаешь, я не полетела – вдруг там злыдни со своими летающими машинами, но разведчика я послала... – Равина вытянула руку, и ей на ладонь села крупная черно-белая сорока.

– Умничка моя, – ласково сказала сороке крылатая девушка и пальцем погладила птицу по голове. – Она вот мне и рассказала, что вам быстро удалось бежать. Я тут же сообразила, что ты подашься сюда... И вот мы встретились!

– Так, – сказал гном и яростно почесал бороду. – Большой Совет, значит... А когда?

– Сегодня на закате.

– А где? В Укромном Месте?

– Там.

– Вообще-то я не член Совета, – пробормотал Рамсей.

– Гном! – сдвинула соболиные брови Равина. – Кончай придуряться! Неужели ты думаешь, что мы, вилы, не имеем глаз? Ведь ясно, что твой спутник – оттуда, с Первой Земли. Это значит, что он прошел сквозь последнее Окно и... Да что мы тут стоим-то! Вот-вот вас хватятся в замке, и тогда даже мои крылья не спасут! Вы готовы?

– Эх! – притворно вздохнул Рамсей. – Терпеть не могу путешествовать по воздуху. Одно утешает, что в твоих объятиях, Равина. Я готов. Гошка, подойди, пожалуйста, к этой деве юной и дай себя обнять. Видишь ли, ей придется нести нас по воздуху.

– Не бойся, мальчик, – одарила Гошку улыбкой Равина. – Я – вила Равина, а не какая-нибудь там русалка или, упаси Великий Мастер, кикимора. Вам, людям, нечего меня опасаться.

– А я вовсе и не опасюсь, – севшим вдруг голосом пробормотал Гошка и, чувствуя, что начинает отчего-то краснеть, шагнул вперед.

Чудная девушка обхватила его левой рукой за спину и крепко прижала к себе. Другой рукой она притянула гнома.

– Обнимите меня за шею и держитесь!

Гошка почувствовал, что ноги его отрываются от земли... и вот уже они скользят по воздуху над самыми верхушками деревьев.

То ли от небывалого ощущения бесшумного полета (с самолетом никакого сравнения быть не может!), то ли от близости прелестного разгоряченного девичьего лица и какого-

то необыкновенно чистого запаха, шедшего от пушистых волос Равины, но сердце Гошкино билось в груди, как пневматический молоток в руках дорожного рабочего.

Спиной он ощущал что-то мягкое, теплое и в то же время упругое, и от этого сердце стучало еще быстрее, хотя, казалось бы, быстрее и невозможно.

Скорость полета была довольно велика – ветер так и свистел в ушах, – однако летели невысоко.

– Выше нельзя – могут заметить. А так нас не видно на фоне деревьев, – пояснила Равина и, задышавшись, добавила: – Я дотащу вас... до реки, а там... попробуем открыть... другой вход... под землю. По воздуху... опасно. И тяжелые вы...

– А далеко еще? – решился спросить Гошка.

Равина промолчала, сберегая дыхание, – ей приходилось выполнять очень тяжелую работу.

Река открылась внезапно.

На левом, дальнем от них берегу леса уже не было, – насколько хватало взгляда, простиралась до горизонта равнина с разбросанными там и сям кучами деревьев.

Равина резко пошла вниз.

Мелькнули перед глазами золотистые стволы сосен, затем каменный срез обрыва... и вот уже Гошка ощутил под ногами мелкую гальку речного берега.

– Уф-ф! – облегченно выдохнула Равина, переводя дух. – Ручки мои рученьки, крылья мои крылышки. Вот уж не думала, что придется мне когда-нибудь гномов по воздуху таскать! Человека-то еще куда ни шло, особенно, конечно, если он мужчина, – и она шутливо толкнула Гошку крутым бедром.

Гошка с ужасом почувствовал, что опять краснеет.

– Ладно тебе, Равина, парню голову кружить, – сверкнул зеленым глазом гном. – Сначала ты меня по воздуху, теперь я тебя под землей. Но, надо признать, на место ты точно вышла – молодец! – с этими словами Рамсей подбежал к скалистому обрыву, положил на каменную стенку руки и, опустив голову, пробормотал слова заклинания.

Тонкая трещина зазмеилась по скале. Часть шероховатой гранитной поверхности дрогнула и бесшумно скользнула вбок, открывая взору темный провал пещеры.

Гошка почувствовал, что ноги его отрываются от земли... и вот уже они скользят по воздуху над самыми верхушками деревьев.

– Ура! – звонко крикнула Равина. – Сработало! – и, чуть наклонившись, звонко чмокнула Гошку в щеку горячими губами.

– Равина! – укоризненно покачал головой гном. – Я же тебя просил...

– А ты не ревнуй, не ревнуй, Рамсей! – расхохоталась озорница. – Может, мальчик мне понравился! Ты же знаешь, что мы, вилы, к людям мужского пола равнодушны, – и она легким движением взъерошила Гошкины волосы. – Не смущайся, Гошенька, я подожду, пока ты вырастешь. Или другого кого найду.

– А вы... а ты откуда знаешь мое имя? – сумел вытолкнуть из себя Гоша.

– Имя? Да ведь Рамсей тебя по имени называл, вот я и запомнила.

– Ладно, – вмешался Рамсей, – пошли. Путь неблизкий.

И они втроем вступили под своды пещеры.

Рамсей, повернувшись лицом ко входу, снова неразборчиво пробормотал в бороду заклинание, и скала встала на место.

Гошка было слегка напрягся в ожидании полной темноты, однако с удивлением увидел, что в пещере достаточно светло, – свет сочился откуда-то из-под сводов, но было непонятно, где его источник.

– Световоды, – пояснил Рамсей, заметив, как Гоша вертит головой. – Ночью, правда, приходится жечь факелы или использовать эльфийские светильники. А кстати, друзья мои, не кажется ли вам, что нам пора подкрепиться?

Только сейчас Гошка понял, что здорово проголодался, да и устал порядком. И то сказать – с тех пор, как он вышел утром из дома, прошло несколько часов. И каких часов!

«Мама, наверное, с ума сходит, – подумал он, направляясь вслед за Рамсеем в какой-то боковой ход. – Да и папа с братом тоже. Господи, когда же я теперь их увижу и что им скажу, если увижу?»

До него, наконец, стало доходить, что все происходящее с ним – отнюдь не сон и не греза наяву, а самая что ни на есть реальнейшая реальность. И от полного понимания этого мальчик вдруг почувствовал такую усталость, что буквально упал в одно из четырех каменных кресел, расположенных вокруг каменного же стола в маленьком овальном зальчике, куда привел их гном. Гошка прикрыл глаза ладонью и не замечал, как Рамсей достает из каменной ниши кувшин с элем, хлеб, сыр, глиняные чашки и тарелки и выставляет все это на стол. Хотелось плакать, но плакать было нельзя – что подумает о нем Равина? (гнома он почему-то не стеснялся), – и Гошка мужественно боролся с подступившими под горло слезами.

– Эй, эй, Гошенька, мальчик мой, ты что, устал, да? – участливый голос Равины прервал его горькие думы.

– Н-ничего, – сквозь зубы выдавил Гошка. – Сейчас пройдет. О маме просто подумал. И о папе с братом. Как они там сейчас? Волнуются ведь, наверное...

– М-мда, друг, – хмыкнул Рамсей и разлил эль по чашкам. – Тут уж, знаешь ли, ничего не поделаешь – придется им поволноваться, пока мы здесь не разберемся. Давай-ка, выпей эля да хлеба с сыром пожуй – силы сразу и возвратятся. Первое дело, знаешь ли, при душевном волнении – поесть как следует, а еду добрым глотком эля запить.

– Кстати, – через некоторое время, жуя, спросил Гошка, – а кто такой Великий Мастер? Вы всю дорогу его упоминаете. Это бог, что ли?

Гном поперхнулся элем и сверкнул на Гошку зеленым глазом.

– Великий Мастер, Гоша, – назидательно произнес он, – это – Великий Мастер. А бог – это бог. Ты давай подкрепляйся, а насчет Великого Мастера после поговорим, когда будет для того уместное время.

– Да ладно, – пожал плечами Гошка. – Я же не хотел вас обидеть – просто спросил.

– Никто и не обиделся, Гоша, – мурлыкнула Равина. – Просто это действительно долгий разговор.

После гномьего угощения сил действительно как будто прибавилось, и, убрав со стола, все трое двинулись в глубь пещеры.

Мощенный базальтовыми плитами коридор привел их в еще один зал довольно необычного вида. В четырех направлениях его пересекали блестящие рельсы, скрываясь в темноте четырех же тоннелей. Тот вход, через который Гошка и его спутники сюда попали, был пятым по счету. Посредине зала возвышалась каменная будка, покрытая искусной резьбой и с железной дверью. Сама будка стояла на круглой платформе, к которой с четырех сторон подходили рельсы, а с пятой стороны, той самой, откуда приближались Гошка, Рамсей и Равина, – каменная дорожка. На рельсах стояли странные экипажи на колесах, чем-то напоминающие дрезины, – каждый с пятью креслами, каким-то хитрым рулевым управлением и торчащим сзади фонарем со сложной системой зеркал, видимо, предназначенным для освещения дороги.

– Это одна из станций нашей гномьей Подземной Дороги, – пояснил Рамсей удивленному Гошке. – Вот уже пять сотен лет, как она существует, и мы постоянно расширяем ее сеть. Прошу садиться.

Они уселись в удобные кресла (Рамсей на переднее, водительское, а Гошка с вилой Равиной – сзади) и пристегнулись широкими кожаными ремнями. Гном повернул какие-то руко-

ятки, затем несколько раз качнул длинный рычаг, и экипаж, медленно наращивая скорость, двинулся во тьму тоннеля.

Зажегся фонарь и швырнул прямо перед собой широкий сноп желтоватого света...

– Ехать нам долго, – сообщил Рамсей спутникам. – Кто хочет, может откинуть спинки кресел и поспать – рычажок в подлокотнике.

«Надо же, – с восхищением подумал Гошка, откидываясь назад. – Как в самолете... Молодцы гномы! Интересно, отчего движется эта дрезина? Надо бы спросить у Рамсея...»

Но спросить он ничего не успел – глаза его закрылись сами собой, и Гошка крепко уснул под мерный перестук колес.

Глава VII

МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ РОМАН БЕРЕЗА И ШУРА УВАРОВА

Тем временем в городе Звягине происходили следующие события.

Сашка Уварова, которую, как мы уже упоминали, друзья звали попросту Шуркой, прождав своего друга, Гошу Рябинина, до часу дня, сначала сильно разозлилась, а затем несколько обеспокоилась.

Дело в том, что не в Гошкиных привычках было нарушать данное слово. Слегка поразмыслив, Александра решила пойти к другу сама. «Вдруг заболел»? – подумала она.

Гошина мама, Роза Марковна, сообщила, что Гошка уже три с лишним часа как ушел из дома.

– Так он у тебя не был? – удивленно подняла она черные красивые брови. – Странно. Он говорил, что вначале зайдет за тобой... Ну-ка, подожди, я позвоню мужу в часть.

Из последующего разговора с подполковником Рябининым Юрием Петровичем выяснилось, что Гошка в части не появлялся.

– Очень странно, – ровным голосом сказала Роза Марковна, кладя трубку. – Где же он может быть?

– Вы не волнуйтесь, Роза Марковна, – переступила с ноги на ногу Шурка. – Я пойду его поищу, а потом зайду к вам или позвоню.

– Хорошо, Сашенька, только обязательно сообщи, ладно? Господи, куда же он делся?..

Еще через два часа, когда выяснилось, что Гошки нет ни у друзей, ни на стадионе, ни в других, обычных для него местах, в семействе Рябининых начался настоящий переполох.

Вторично позвонили Рябину-старшему в часть и сообщили о неутешительных результатах поисков.

– Вот что, – принял по телефону решение подполковник Рябинин. – Я сейчас крайне занят и сам прибыть не могу. В милицию обращаться пока не будем – рано. Сделаем так. Я пришлю вам своего лучшего разведчика – младшего сержанта Романа Березу. Во-первых, он хорошо знает нашего сына, а во-вторых – у него невероятное чутье на подобные вещи. Пусть пройдут вместе с Шурой по городу и снова поищут. А в лес и к речке я на всякий случай pošлю роту солдат – пусть ищут тоже. Значит, так. Сейчас пятнадцать ноль-ноль. Через полчаса Роман Береза будет у вас. В семнадцать тридцать звоните. Я буду ждать. Ох, и задам же ему я, когда вернется!

Вы только не подумайте, пожалуйста, что Гошин папа был эдаким бесчувственным солдафоном, которому безразлична судьба родного человека. Нет. На самом деле он тоже очень разволновался, потому что хорошо знал своего сына и уже понимал, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Поэтому, как человек военный, полковник Рябинин предпочел мгновенное действие бесполезным «охам» и «ахам», а также бессмысленной беготне и суете.

Вы спросите, вероятно, почему Гошин старший брат не принял посильного участия в поисках? Увы, он пока еще ничего не знал, поскольку, убрав с утра в квартире, ушел по своим уже почти совсем взрослым делам (ему было двадцать лет, он учился в политехническом институте, а также имел массу всевозможных увлечений).

Ровно в пятнадцать часов тридцать минут в квартире Рябининых раздался звонок, и Роза Марковна побежала открывать.

На пороге в камуфляжной форме поверх десантной тельняшки и голубом десантном же берете, лихо сдвинутом набекрень, стоял невысокий ладный паренек. Это был младший сержант воздушно-десантных войск Роман Береза.

Если бы не цепкий и твердый взгляд внимательных серых глаз, а также какая-то особая скрытая сила в его позе и в малейших движениях, ему едва ли можно было дать больше шестнадцати лет.

– Ох, Рома, – всплеснула руками Роза Марковна. – Наконец-то! Заходите скорее!

– Здравствуйте, Роза Марковна, – сдержанно сказал младший сержант Береза и вдруг как-то сразу очутился за порогом внутри квартиры. – Шура у вас?

Шурка Уварова, услышав голос Романа, с которым была хорошо знакома, выскочила из кухни, где ее Роза Марковна буквально заставила съесть бутерброд с колбасой и выпить чаю.

– Привет, Роман, – деловито поздоровалась она. – Я готова.

– Привет. Сейчас идем. Роза Марковна, во что Гоша был одет? Только очень точно, прошу вас...

– Фланелевая клетчатая рубашка... джинсы, кроссовки белые... – растерянно потерла виски Роза Марковна. – Все, кажется, а...

– Да нет, все в порядке. Я эту его одежду хорошо помню. Просто хотел уточнить на всякий случай. Да вы не волнуйтесь, найдем мы его. Пошли, Шура.

Они спустились с четвертого этажа на улицу и остановились.

– Так, – сказал младший сержант, – докладывай, где искала.

Шурка быстро и четко, как учил ее сам Роман, доложила.

– Значит, по второму разу мы в эти места пока не пойдем, – задумчиво протянул младший сержант и прищурился на солнце, которое уже заметно склонилось к западу.

Помолчали.

– А ну-ка, показывай, какой дорогой вы обычно друг к другу бегаєте, – вдруг чуть усмехнулся Роман. – Да только не несись как угорелая. Спокойно иди, спокойно.

Когда они прошли арку проходного двора, миновали мусорные баки и оказались рядом с детской площадкой, где гомонила малышня, Роман неожиданно остановился, и Шурке даже показалось, что младший сержант понюхал воздух.

– Что? – почему-то шепотом спросила она.

– Чую, – внятно ответил Береза и быстрым шагом направился к площадке.

Ребяшня, узрев настоящего солдата-десантника, примолкла.

– А ну-ка, бойцы-удальцы и вы, девочки хорошие! – весело и звонко начал Роман, широко улыбаясь белозубой улыбкой. – Расскажите мне, вашему защитнику, кто из вас сегодня рано утром здесь гулял? Мне нужно посоветоваться по важному делу.

После всеобщего короткого гомона и неразберихи выяснилось, что во дворе сегодня утром гуляла только девочка Катя, каковая в этом смело и призналась.

– Катенька, – ласково спросил ребенка Роман, присаживаясь на корточки, – а ты здесь такого большого мальчика в клетчатой рубашке и джинсах не видела?

– Видела, – Катя, судя по всему, твердо решила во всем содействовать родной армии. – Он мою кошку полез спасать.

– Куда полез-то?

– Туда. На чердак, – девочка показала ручонкой на заколоченный дом. – Он по дереву полез и залез. Я его ждала-ждала... но тут меня мама позвала, и я ушла. Кошка уже у двери сидела. Он ее, наверное, поэтому не нашел.

– А ты его потом видела?

– Мальчика?

– Ну да.

– Не-а. Я целый день дома сидела. А сейчас мама меня опять гулять отпустила.

– Ну, Катерина, спасибо тебе за очень ценные сведения. Ты нам хорошо помогла, – совершенно серьезно сказал Роман и пожал ребенку руку.

Весь этот диалог Шурка Уварова слушала в полном обалдении и восхищении.

«Вот это да, – думала она, – как в кино. Ну и Роман... Вот что значит настоящий разведчик».

И тут же, не сходя с места, решила про себя, что когда вырастет, то обязательно станет настоящим разведчиком-десантником, как ее друг, младший сержант Роман Береза, совершенно позабыв, разумеется, что еще месяц назад твердо хотела стать звездным астрономом.

Роман внимательно и быстро оглядел заколоченный дом и древнюю липу.

– Все ясно, – сказал он, обращаясь к Шурке. – Он залез на дерево, а потом вон по той ветке – видишь? – попал на крышу. Оттуда, ясное дело, на чердак. Ты по деревьям-то лазить умеешь?

– Обижаешь, Роман.

– Тогда делай, как я.

Через несколько минут девочка и солдат уже влезали в чердачное окно.

– Вот они, Гошкины следы! – возбужденно закричала Шурка, заметив на пыльном дощатом полу отпечатки кроссовок.

– Да вижу я, вижу... спокойно, – Роман предостерегающе поднял руку, прислушиваясь и приглядываясь. – Вроде никого здесь нет. Но мы проверим. Значит, так. Ты идешь за мной след в след, и никакой самостоятельности, поняла?

– Так точно, товарищ младший сержант! – неожиданно для себя по-военному отрапортовала Шурка. Ей почему-то одновременно стало очень интересно и очень страшно.

Возле картины, у которой (естественно!) Гошкины следы обрывались, Роман Береза присел на корточки и долго разглядывал саму картину и следы. За его спиной громко дышала Шурка.

– Ты чего так пыхтишь? – неторопливо осведомился младший сержант. – Устала, что ли?

– Н-нет, но Картина... она живая! Смотри, облака движутся по небу, и листья... это... шевелится. А вон, гляди, птица пролетела! Ты видишь?! Этого же не может быть!

– Да вижу я, вижу, Шурка, успокойся. Этого не может быть, но это есть. Я сам обалдел вначале. Только виду не показывал, поняла? Разведчику должно пребывать спокойному и сосредоточенному в любых обстоятельствах... Я, знаешь ли, привык доверять своим глазам. И своему разуму тоже. А мои глаза и мой разум говорят мне о том, что Гошка дошел до этой картины и просто-напросто исчез.

– Почему? – шепотом спросила Шурка.

– Так ведь обратных следов нет.

– Да я и сама заметила, что обратных следов нет. Почему ты думаешь, что он исчез?

– Что?! – Роман обернулся и расширенными глазами посмотрел на побледневшую от волнения Шурку. – Ты думаешь... А ну-ка, дай мне какой-нибудь камень, там, или палку... что-нибудь...

Шурка сунула руку в карман джинсов, покопалась и вложила в ладонь Романа стреляную автоматную гильзу.

– О! – усмехнулся Береза. – Знакомый предмет. Ну что ж, попробуем...

Он подкинул гильзу на ладони, как бы примериваясь, и осторожно, навесом, бросил ее в картину.

Сами понимаете, что произошло.

Гильза влетела внутрь, упала в траву, и было хорошо видно, как она теперь в этой траве там лежит – маленькая желтая искорка.

– Та-ак, – с растяжкой произнес каким-то вдруг севшим голосом Роман. – Теперь, насколько я понимаю, наша очередь.

Глава VIII

БОЙ

Солдат обернулся, подмигнул Шуре серым глазом, громко прошептал: «Делай, как я!» – и, пригнувшись, прыгнул в картину.

Приоткрыв рот, Шурка с изумлением увидела, как Роман Береза, вдруг став совсем маленьким, по-кошачьи мягко приземлился в траве и приглашающе махнул крошечной рукой.

Шурка крепко зажмурилась и, стараясь не раздумывать, чтобы окончательно не испугаться, шагнула вперед.

– Тихо, тихо, – поддержал ее под локоть Роман. – Кто же шагает в неизвестность с закрытыми глазами? Опасности, моя дорогая, следует смотреть в лицо хотя бы затем, чтобы знать, как ее избежать или победить.

– А мы разве в опасности? – восхищенно оглядываясь, беспечно осведомилась Шура.

– Хм-м... чужое место всегда в какой-то мере таит опасность хотя бы потому, что ты с ним не знаком. Хотел бы я знать, однако...

– Что?

– Хотел бы я знать, как мы отсюда выберемся, – озабоченно проговорил Роман, потирая подбородок. – Там, на чердаке, была картина. Тут я ничего похожего не вижу.

– Может, нужно просто сделать шаг назад? – предположила Шурка.

– Давай попробуем, – с сомнением в голосе согласился Роман. – И-и... раз!

Они одновременно широко шагнули назад, и... ничего не произошло. Они по-прежнему находились на той же поляне, тот же красавец-лес окружал их со всех сторон, а слева, метрах в десяти, подпирал небо громадный дуб.

– М-мда, – обескураженно протянула Шурка. – Ничего не получается.

– Это я виноват, – ровным голосом произнес Роман, и Шура заметила вертикальную морщинку, прорезавшую его чистый лоб.

– Почему ты? В чем?

– Нужно было тебя оставить там, на чердаке, для связи. Я об этом не подумал сразу и серьезно ошибся. Боюсь, что за эту ошибку нам теперь придется дорого платить.

– Да ладно тебе, Роман, – махнула рукой Шурка, – выкрутимся как-нибудь!

Шуру Уварову буквально распирало пьянящее предчувствие настоящего ПРИКЛЮЧЕНИЯ, и она чуть ли не подпрыгивала на месте от нетерпения.

– Следы, – сказал Роман, пристально разглядывая траву. – Я вижу следы. Здесь стояли двое, и потом они пошли к лесу. А ну-ка... – он двинулся вперед, и тут откуда-то с неба послышался низкий нарастающий гул.

От неожиданности Шурка присела.

– О, господи, – пробормотал Роман, – что это?!

Из-за верхушек деревьев выскользнул громадный (как показалось Шурке) летательный аппарат, больше всего похожий своей формой на косточку от абрикоса. Солнце тускло отсвечивало на его шероховатых боках.

Аппарат завис над поляной метрах в пятидесяти и медленно начал опускаться. Одновременно что-то мелькнуло на краю леса... Роман оторвал взгляд от летающей «косточки» и тут же хищно подобрался – к ним от ближайших кустов неслись пятеро, и выражение их лиц не предвещало ничего хорошего.

Бежать было поздно – это Шурка поняла сразу.

Пятеро в странных серо-зеленых куртках, перепоясанные то ли длинными ножами, то ли короткими мечами, приближались широким кольцом с пугающей скоростью. До них оста-

валось не более десяти метров, когда младший сержант Роман Береза рявкнул: «За спину!» – и прыгнул вперед.

Такое Шура видела раньше только в кино.

Десантник взвился в воздух, и первый из нападавших получил сильнейший удар тяжелым солдатским ботинком прямо в голову.

Скорость бега и скорость удара сложились, и неприятель, как-то смешно хрюкнув, рухнул на землю, не подавая видимых признаков жизни.

Второй подоспел как раз к тому моменту, когда Роман приземлился на полусогнутые ноги, и тут же нарвался на прямой удар кулаком точно в солнечное сплетение («под ложечку», как говаривали раньше).

Оставались трое, и все они разом кинулись на Романа.

Младший сержант успел швырнуть одного через голову, но тут двое других вцепились в него медвежьей хваткой.

Дело принимало крутой оборот. Роман Береза был стремителен, силен и ловок, но обладал слишком небольшой массой по сравнению с нападающими, а тут еще Шурка с ужасом увидела, как тот, третий, которого Роман швырнул через голову, поднимается, пошатываясь, из травы, и его рука тянется к мечу...

Оцепенение исчезло, как будто снятое небрежным жестом неведомого волшебника. Шура Уварова дико завизжала что-то нечленораздельное и кошкой прыгнула на спину тому самому, третьему.

Ногами она крепко, как только могла, оплела его руки, не давая дотянуться до меча, а сцепленными руками попыталась сдавить врагу шею, но тот вовремя прижал подбородок к груди так, что Шуркин захват пришелся ему прямо под кончик носа. Но это ему не помогло – нос отчетливо хрустнул, и мужик завопил от боли, падая на колени.

Шурка тут же спрыгнула со спины врага и еще успела выхватить у него из ножен короткий узкий меч (да, это был все-таки меч, и она вспомнила, что видела похожий когда-то в каком-то музее, и даже вспомнила название: «акинак»).

Задыхаясь, Шурка быстро оглядела поле боя.

Трое из нападавших недвижно лежали в траве.

Четвертый (ее) стоял на коленях и, обхватив руками лицо, орал как резаный.

Пятый...

Пятый, обнажив свой меч, кружил с младшим сержантом воздушно-десантных войск Романом Березой по поляне в смертельном танце.

Роману пока чудом удавалось избежать сверкающего на солнце лезвия, но... этим все и ограничивалось, – у него никак не получалось приблизиться к противнику на расстояние удара рукой или ногой – враг оказался умелым бойцом.

«Меч! – стремительно сообразила Шурка. – Надо как-то передать Роману меч!» Но тут она краем глаза заметила какое-то движение и быстро повернула голову.

«Косточка» опустилась на поляну. В ее металлическом боку неожиданно возник люк, и оттуда на траву выпрыгнуло очень странное и жутковатое существо.

Да, оно походило на человека. Но именно эта самая ПОХОЖЕСТЬ и вселяла оторопь.

Высокое, выше двух метров, облаченное в грязно-серый комбинезон, оно стояло на тонких двухсуставчатых ногах и длинными двухсуставчатыми же руками (лапами?) сжимало нечто, подозрительно напоминающее лучевой пистолет из научно-фантастической книжки. Голова существа выглядела прямо-таки омерзительно. Громадная, без видимых признаков шеи, она имела три больших и выпуклых круглых глаза, была абсолютно лысой и безносой (вместо носа виднелось нечто вроде клапана), а внизу эту голову пересекала длинная и узкая щель то ли рта, то ли пасти.

Существо сделало три быстрых и коротких шага от своего летательного аппарата и стало медленно поднимать оружие.

– Роман, берегись! – завопила Шурка, одновременно надеясь криком отвлечь монстра от младшего сержанта.

Однако Роман все видел сам. За то время, пока Шура отвлеклась на «трехглазого», он успел уложить своего противника-человека и теперь на чуть согнутых ногах покачивался из стороны в сторону на расстоянии двадцати шагов от нового врага.

Ярко-синий луч вырвался из неизвестного оружия, но Роман уже припал на правую ногу, и луч прошел мимо.

Еще выстрел!

А Береза уже прыгнул вперед и влево с линии огня.

Третий выстрел!

Опять мимо!

И тут Шурка Уварова, не раздумывая, широко размахнулась и швырнула в трехглазого меч, как швыряют палку в бешеную собаку.

Трехглазый находился от Шуры довольно далеко, и в обычной ситуации ей вряд ли удалось бы бросить тяжелый акинак на такое расстояние да еще с такой точностью, но, видимо, в этой совсем НЕОБЫЧНОЙ ситуации отчаяние придало Шурке Уваровой силы.

Меч, крутясь в воздухе, долетел, и его рукоятка врезалась прямо в правый глаз трехглазого...

Существо издало каркающий звук, «лучевой пистолет» выпал из его рук, и тут же Роман Береза каким-то непостижимым образом оказался совсем рядом в длинном высоком прыжке...

Крепкий, подбитый гвоздями каблук солдатского ботинка с чавканьем врезался в средний глаз врага, и тот, качнувшись, молча опрокинулся на спину.

Трехглазый был повержен, однако Роман еще раз с размаха врезал носком ботинка по голове существа и, быстро подобрав «лучевой пистолет», огляделся.

– Роман!! – пронзительно крикнула Шура и опрометью бросилась к Березе.

– Ну-ну... – чуть усмехнулся Роман и осторожно обнял девочку левой рукой.

Лишь мелкие бисеринки пота на его лице да чуть учащенное дыхание указывали на то, что человек только что проделал тяжелую и опасную работу.

– Ты... ты убил его, Роман? – испуганно спросила Шурка. – Зачем ты его ударил, уже лежащего? Ведь он вырубился...

Младший сержант чуть отстранил от себя девочку и, внимательно глядя ей в глаза, твердо проговорил:

– Сейчас вообще-то не время, но я хочу, чтобы ты на всю жизнь запомнила одно очень важное правило: если тебе пришлось вступить в смертельную схватку, то нужно бить так, чтобы противник твой уже не встал. Во всяком случае, к этому надо стремиться, потому что иначе может случиться так, что не встанешь ты сам. Никогда. А убил ли я его... Не знаю. Кстати, вполне возможно, что это ты его убила, когда так удачно бросила меч. А? Поразмысли-ка над этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.